

Шевчук А.Г.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Социально-географические исследования конца 90-х годов XX в. показали, что для всех государств, сформировавшихся на постсоветском пространстве, актуальной проблемой стало изучение региональных аспектов трансформации общества. Это направление научной мысли получило в географической литературе определение *транзитологии* или *исследования переходного периода* в развитии постсоветского пространства [1, с.12].

Географическое изучение трансформирующегося общества имеет множество аспектов. Одним из них можно считать выявление региональных особенностей преобразований в этнической и религиозной подсистемах общества. Эти подсистемы в любые исторические периоды отличаются очень высокой чувствительностью к тому, что происходит в государстве. Этнические и религиозные компоненты общества в значительной степени формируют и поддерживают психологический климат внутри страны, уровень социокультурной конфликтности в её пределах, имидж государства за его рубежами.

В настоящее время стало очевидным, что теория национальных отношений, сложившаяся в бывшем СССР, и десакрализация советского общества повлияли на характер и объем научных поисков в области этногеографии и географии религий. Советских географов религия преимущественно интересовала как культурологический феномен общемирового уровня, но не как повод для пространственных изысканий в пределах отдельных регионов страны [2]. Только в начале 90-х годов появились работы бывших советских географов, актуализирующих этноконфессиональную проблематику с позиций постсоветских трансформаций [2,3,4]. Но теоретические разработки этноконфессиональных проблем по-прежнему остаются прерогативой этнографов, философов, политологов.

Целью данной работы является осмысление возможностей географического подхода к изучению этноконфессионального пространства страны или региона в период трансформации общественных отношений в постсоветских государствах.

Современная социально-экономическая география успешно использует методический аппарат системного подхода для выявления преобразующихся компонентов социума. Поэтому вполне закономерным выглядит предположение о том, что любой регион – это территориальный базис для взаимодействия этносов и религий, способных сформировать здесь своеобразную этноконфессиональную общность системного типа. Составные компоненты этносов и религий соотносятся друг с другом как философские категории «форма» и «содержание». Этнос как «коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам» [5, с.113], в этой дуальной связке выступает в качестве формы, вмещающей разнообразное по сути, аксиологической направленности и динамичности воздействия – религиозное содержание.

Может ли религия служить определяющим признаком этноса? Ни Ю.В.Бромлей, ни Л.Н.Гумилев не дают на этот вопрос положительного ответа. «...ни один из компонентов культуры (язык, религия, народное искусство – *А.Ш.*) не является неперенным этнодифференцирующим признаком... Этнос представляет собой не отдельный компонент культуры, а определенную культурную целостность, многие составляющие которой, как правило, в той или иной степени обнаруживают устойчивые специфические черты» [6, с.57].

Если религия не может быть универсальным индикатором этнической принадлежности, то вполне вероятно, что она способна исполнять роль фона, на котором усиливается такая характеристика этноса, как *самосознание непохожести* на иные человеческие формы общности. Этнос возникает как целостность, противопоставляющая себя всем остальным целостностям того же типа, и исчезает как система с потерей ощущения «своих» и «чужих». При этом этническая принадлежность обнаруживается в сознании людей. Религия как одна из форм общественного сознания и духовно-практического освоения мира, безусловно, укрепляет в носителях этнических свойств чувство общности, непохожести на представителей иных этносов, не позволяет этому ощущению исчезнуть. Ведь у каждой религии имеются собственные догматическая и обрядовая структуры, выработанные исторически, с закрепленными в них традициями постижения мира тем или иным этносом. Религия передает эти традиции, создавая в каждом этносе предпосылки для формирования социокультурной идентичности.

О роли религиозного фактора в формировании социокультурной идентичности этносов существует множество свидетельств философов, историков, политологов. Религиозная принадлежность народов стала определяющим признаком для выделения их «культурно-исторических типов» или цивилизаций в трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, Л.П. Карсавина, А.Дж. Тойнби и др. [8, 9, 10, 11]. Последний, в ряду перечисленных авторов отмечал в трактате «Постижение истории»: «Если проанализировать цивилизации, дожившие до наших дней, ... мы увидим, что каждая из них имеет в своем фоне какую-то универсальную церковь» [11, с.518].

Известный современный российский этнолог В.А. Тишков, раздвинувший рамки предметной области традиционной этнографии от изучения этносов как групповых образований до выявления феномена этничности как свойства самосознания отдельного индивида, считает, что религия – это соединяющая сила в обществе, способная установить убедительные мотивации людей с привлечением знания о сверхъестественном [12, с.88].

Таким образом, диалектическое объединение этнического и религиозного компонентов в исследовании различных народов имеет вполне оправданное право на существование.

Системный подход, применяемый в современных географических исследованиях, позволяет расширить границы восприятия этноконфессиональной совместимости. Речь идет о возможности рассмотреть это явление в территориальном контексте. Географичность этнорелигиозной сферы проявляется в различных аспектах:

- размещении и распространении этносов и религиозных верований в пределах материков, отдельных групп стран или одной страны;
- зависимости территориальной дифференциации этнической и религиозной жизни от природных, демографических и социальных особенностей геопространства;
- наличии территориальных «фокусов» («ядер»), ареалов, районов концентрации этносов различной конфессиональной сориентированности в пределах локальных или региональных систем расселения [13,14];
- способности этносов с различной конфессиональной сориентированностью к созданию качественно отличающихся по территориям состояний взаимодействия друг с другом и государственными регуляторными организациями (этноконфессиональных ситуаций).

Выделение совокупности перечисленных выше аспектов позволило конкретизировать явление этноконфессиональной совместимости в виде графической модели *территориальной этноконфессиональной системы* (ТЭКС), представленной на рис.1.

Интегральная структура ТЭКС содержит три блока компонентов: функциональных, ситуационно-регуляторных и территориальных.

Функциональные компоненты ТЭКС отражают возможность совмещенного географического анализа этнических и религиозных признаков в жизнедеятельности различных народов. Основным структурным элементом функционального блока ТЭКС является община (общность) или совокупность людей, имеющих осознанное представление о своей этнической и религиозной идентичности. Такой вид идентичности, который возникает на пересечении этнических и религиозных традиций, вернее называть социокультурной идентичностью, поскольку она проявляется в традициях культуры того общества, что вызревает в результате эволюции ценностных установок конкретной общины.

Иерархия этнической общности в структуре ТЭКС приведена по двум сформировавшимся в современном обществоведении традициям: формационной и цивилизационной.

Формационная традиция предполагает изучение социальных явлений и процессов согласно логике экономического детерминизма. Применительно к этносам эта традиция объясняет причину появления на определенных стадиях общих инвариантных свойств этносов общностью способа материального производства в различных общественно - политических формациях. Такой подход характерен для трудов О.Конта, М.Вебера, Э.Дюркгейма, Ю.В.Бромлея и др. В формационной логике дифференциация этносов существует в форме последовательной эволюции племени в нацию.

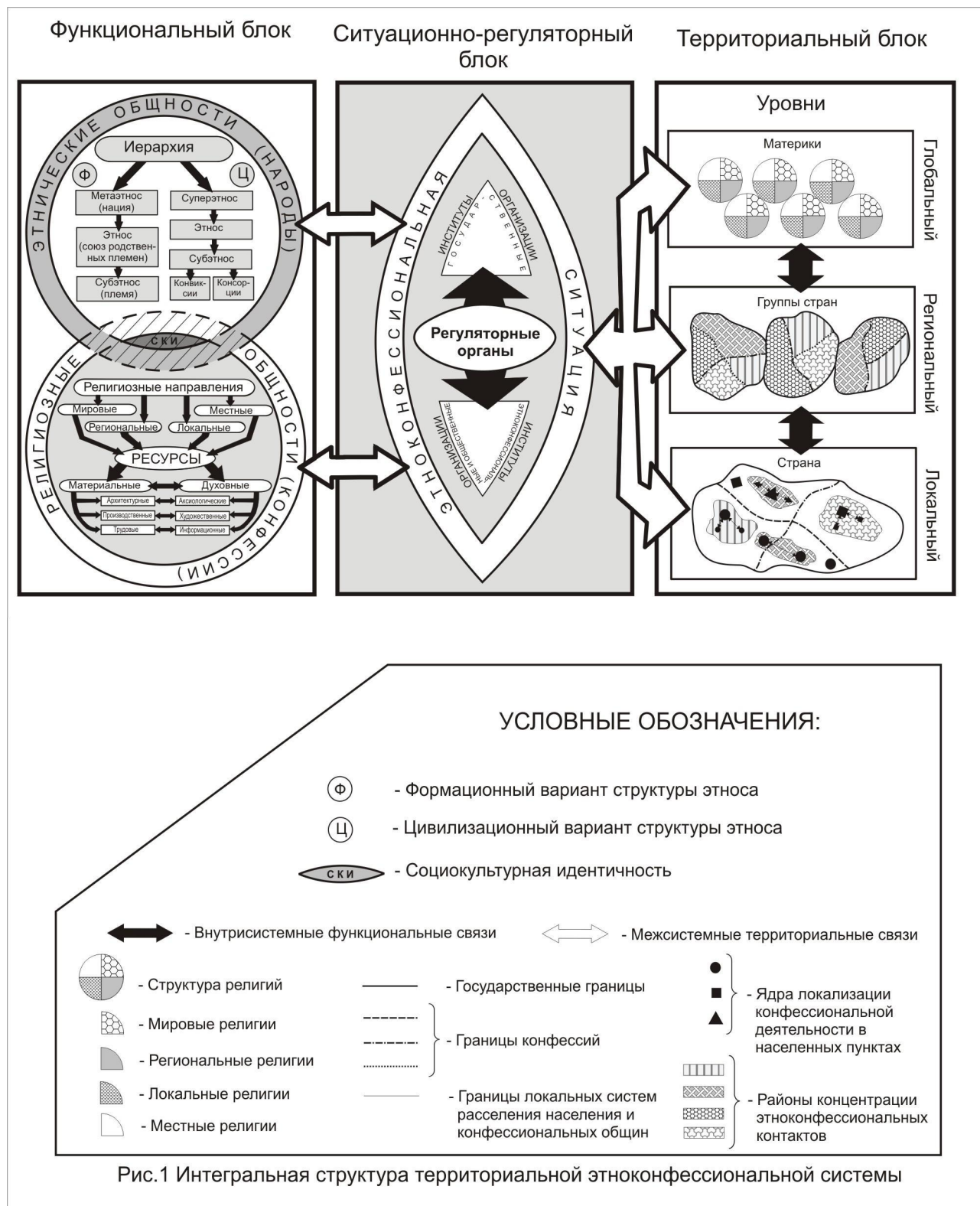
Цивилизационная традиция исследует не только общие, но и, главным образом, локально своеобразные характеристики этносов, которые кристаллизуются в массивах этнокультурных традиций, возникающих под влиянием различных, но в том числе и религиозных, факторов. В цивилизационной традиции этносы и их культуры исследуются в работах Н.Я. Данилевского, Л.И. Мечникова, Л.Н. Гумилева, С.М. Широкогорова, [6,8, 15,16,] и др. Эти исследователи предполагали, что этнос – продукт биосферный, иерархически вписанный в окружающий мир и удивительно гармоничный в отношении собственных традиций поведения и культуры.

Цивилизационная логика дифференциации этносов строится на принципе их структурного взаимодействия в пределах различных уровней организации биосферы и общества. Таксономический ряд этнических систем чаще всего выглядит в рамках цивилизационной традиции таким образом, как это предложил Л.Н. Гумилев: конвиксия (или консорция) – субэтнос – этнос – суперэтнос. Под конвиксиями (консорциями) он понимал совокупность мелких племен, кланов, корпораций, локальных групп (к примеру, землепроходцев) и прочих объединений людей всех эпох, которые, усложняя свою структуру посредством расширения межгрупповых связей, давали начало субэтносам. Субэтносы на основе комплиментарности или ощущения подсознательной взаимной симпатии (антипатии) членов этнических коллективов формируют этносы или устойчивые коллективы людей, противопоставляющие себя всем другим аналогичным коллективам стереотипами поведения, которые закономерно меняются в историческом времени. Группа близких между собой этносов составляет суперэтнос или цивилизацию, культуру, мир.

Географическое изучение этноконфессиональных систем должно опираться на обе исследовательские традиции, поскольку первая «дает возможность абстрагироваться от локально-индивидуальных связей с окружающим миром, а вторая, наоборот, сосредоточить внимание на конкретно-исторических связях с природной и общественно-исторической средой» [14, с.31–32].

Религиозная община – второй функциональный компонент ТЭКС, – как правило, формируется из представителей нескольких этносов. Однако прямой связи между этнической и религиозной принадлежностью установить в этом случае трудно. Иногда народы бывают поликонфессиональными, что проявляется в существовании четко фиксируемых этнорелигиозных групп, например, езидов среди курдов, друзей среди арабов, караимов среди тюрков и др. В иных случаях разные народы исповедуют одну религию (мировую, региональную, локальную, местную) и существуют лишь единичные факты наличия национальных религий (Армянская апостольская церковь, синтоизм, иудаизм). Общие черты

между этносами и конфессиональными общностями можно найти лишь в структурах: обе общности достаточно четко структурированы, иерархизированы, способны создавать этноконфессиональную ситуацию.

Разработал автор, 2005 г.

Этноконфессиональная ситуация – это содержательная структура ещё одного блока или подсистемы ТЭКС, получившего наименование *ситуационно-регуляторного*. Она фиксирует качественное состояние взаимодействия различных территориальных этнических и религиозных общностей за определенный период времени под воздействием внутренних и внешних факторов. Эти факторы можно подразделить на системостимулирующие (условия формирования и развития этносов и конфессий) и системостагнирующие (к примеру, низкий уровень социальной мобильности этносов, связанный с

существованием внутри этносов сословных, кастовых или иных перегородок, замедляющих формирование общезнаковых культурных характеристик [17, с.66], или сектантские расколы в конфессиях, увеличивающие степень конфликтности в этнической общности и др.).

В ходе развития этносов и конфессий можно условно выделить следующие стадии: зарождения – территориального расширения – стабилизации (с возможными вариантами трансформаций и упадка). Исторический подход на основе ретроспективного анализа отображает ритмы этого процесса. Пространственный или географический подход методом районирования и типологии фиксирует состояние этноконфессиональной ситуации на определенной стадии её развития. Кроме того, он позволяет сопоставить этноконфессиональные ситуации различных территорий и выработать стратегию или, вернее, геостратегию их регулирования.

В задачу географического исследования не входит конкретизация управленческих или регуляторных воздействий на сложные, а порой слабо управляемые процессы в этнических и конфессиональных общностях. К тому же, у государства и официальных органов управления конфессиями сферы деятельности разъединены и секуляризированы. Геостратегия предполагает выявление тенденций в развитии этноконфессиональных систем и своевременное предоставление информации о них в государственные и конфессиональные регуляторные структуры (комитеты или департаменты по делам религий, средства массовой информации, епархиальные или духовные управления и др.).

Важным компонентом этноконфессиональных систем является *территориальный блок*. Содержание этого блока отражает важнейшее свойство системных объектов – структурность, общеполитический смысл которой был разработан в отечественной науке ещё в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Структура системы трактовалась как её инвариант, смысл которого в наличии у системного объекта связей между компонентами.

Для географических систем основной структурой принято считать территориальную, представляющую рисунок связей между системными объектами, локализованный в пределах территориальных единиц. Связи между этническими и конфессиональными элементами территориальной этноконфессиональной системы вероятнее всего локализуются на трёх пространственных уровнях: глобальном (материковом), региональном (уровень групп стран) и локальном (страновом или внутрискановом). В пределах каждого уровня этнические общности, имеющие различия в конфессиональной сориентированности, формируют точечные или площадные элементы территориальной структуры.

Точечные элементы представлены поселениями различного иерархического уровня и расселенческой специфики (городские и сельские). Для каждого пространственного уровня ТЭКС их можно сгруппировать в глобальные, региональные и локальные системы расселения населения. Все точечные элементы ТЭКС имеют более дробную иерархию. Наиболее подробно её разработали С.В.Павлов, К.В.Мезенцев, О.О.Любичева [14, с.29-30] : пункты или поселения, в которых осуществляется религиозная деятельность, центры или первичные звенья концентрации религиозной жизни (монастыри, благочиния, епархии и др.), узлы или места паломничества (святые места зарождения религий, нахождения чудотворных икон, целебных источников, священных камней и деревьев, небесных чудес, лавры, апостольские столицы, азиы и др.). Нам представляется возможным объединить все выделенные элементы иерархии расселенческой структуры конфессиональной деятельности под общим названием «ядра локализации конфессиональной деятельности в населенных пунктах».

Площадные элементы ТЭКС представлены районами и ареалами концентрации этноконфессиональных контактов. Эти территории выделяются по совокупности функциональных характеристик ТЭКС.

Любая религиозная община имеет в своей функциональной структуре материальные и духовные ресурсы осуществления религиозной деятельности. К материальным ресурсам можно отнести культовые сооружения (храмы, мечети, синагоги, кенасы); кадры священнослужителей и учебные заведения, готовящие их; предприятия по производству культовой утвари и одежды священнослужителей. Духовные ресурсы образованы догматами религий или религиозной аксиологией; художественным фондом храмовых росписей и икон; издательской, миссионерской и благотворительной деятельностью.

Элементарным территориальным объектом локализации конфессиональных ресурсов является храм и окружающая его территория (парафия, умма), принадлежащая общине верующих

Последовательное изучение территориальной локализации материальных и отчасти духовных ресурсов различных конфессий позволяет определить их районные различия от места к месту, оконтуривая тем самым площадные компоненты этноконфессионального взаимодействия.

Таким образом, процесс этноконфессионального взаимодействия может быть представлен как пространственно-временное явление, сформированное исторически в пределах конкретной территориальной единицы. В этом случае результатом этого процесса станет территориальная этноконфессиональная система – полиструктурное динамичное образование, исторически сформированное в пределах конкретной территории и проявляющееся в качественно различных ситуациях взаимодействия этнических и конфессиональных общностей.

Возможность системного исследования этноконфессиональных общностей существенно разнообразит методический аппарат общественной ветви географии, исследующей современные трансформации социума.

Источники и литература

1. Колосов В.А., Мироненко Н.С., Петров Н.В., Тревиш А.И. Российская общественная география первой половины 90-х годов. // Известия РАН. Серия географическая. – 1996. – №3. – С.7–21.
2. Пучков П.И. Современная география религий. – М.: Наука, 1975. – 270 с.
3. Криндач А.Д. География религий как научное направление. // Вестник Московского университета. Серия географическая. – 1992. – №3. – С.63–69.
4. Шаблій О.И., Висьтак А.И. Сакральная география: становление и проблемы развития. // Проблемы территориальной организации общества. – Пермь, 1993. – С.27–28.
5. Здіорук С.І. Етноконфесійна ситуація в Україні та міжцерковні конфлікти. – К.: Нац. ін-т стратег. досліджень, 1993. – 58 с.
6. Гумилев Л.Н. По поводу предмета исторической географии // Вестник Ленинградского университета. Серия геология и география. – 1965. – № 18. – С.112–120.
7. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 370 с.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Глагол, 1991. – 398 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер.К.А.Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
10. Карсавин Л.П. Философия истории. – С.-П.: АО Комплект, 1993. – 350 с.
11. Тойнби А.Дж. Постижение истории / Пер. с англ.– М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
12. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
13. Социально-экономическая география Украины / Пер. с укр. Под ред. О.Шаблія. – Львов: Свит, 1995. – 640 с.
14. Павлов С.В., Мезенцев К.В., Любіцева О.О. Географія релігій: Навчальний посібник. – К.: АртЕк, 1999. – 504 с.
15. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки; Статьи / Сост. предисл., примеч. Евдокимова В.И. – М.: Издательская группа Прогресс, Пангея, 1995. – 464 с.
16. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных признаков изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай, 1923.
17. Крюков М.В. Ещё раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. – 1986. №3. – С. 66–69.

Яковенко И.М.**ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОСТИНИЧНОГО ХОЗЯЙСТВА КРЫМА**

Уровень развития материально-технической базы туристско-рекреационного хозяйства является важнейшим динамичным фактором, определяющим конкурентные позиции страны на мировом и национальном рынках туристских услуг. В специальной литературе оцениваются преимущественно экономические показатели приемной базы и, прежде всего, гостиничного хозяйства (основные и оборотные фонды, емкость, загрузка и др.) и отсутствуют работы, дающие представление о региональных различиях в масштабах и структуре и особенностях функционирования гостиничного хозяйства. Вместе с тем именно плотность гостиничной сети является основным индикатором степени рекреационной освоенности территории, а изучение территориальных диспропорций в ее распределении может служить основанием для выработки управленческих решений в государственных и региональных программах развития туризма. Целью данной статьи является обоснование подходов к географическому изучению территориальной организации гостиничного хозяйства на примере Крыма.

В 2003 г. на территории АР Крым и г. Севастополя насчитывалось 87 гостиниц и других объектов краткосрочного проживания с номерным фондом 7033 номеров и одновременной емкостью 14916 мест, что составляет от суммарных значений по Украине соответственно 7,1; 13,9 и 14,3%. Анализ статистических показателей за период с 1995 по 2003 гг. показывает общее уменьшение числа гостиниц на 27 единиц, причем основными причинами явились ликвидация вследствие убыточности (преимущественно в степной части Крыма), перепрофилирование в базы отдыха и предприятия игорного бизнеса (Ялта, Алушта), закрытие предприятий на реконструкцию. Одновременно с сокращением числа объектов наблюдается увеличение их емкости: за 8 лет на 435 мест. Наибольшую долю занимают двухместные (62,3%) и трехместные (13,9%) номера, сравнительно невелик удельный вес номеров «люкс» и «полулюкс» (соответственно 5,8 и 5,4%). Характерной особенностью развития приемной базы в Крыму последних лет является увеличение доли частных и коллективных предприятий небольшой емкости, в том числе сезонных учреждений облегченного типа, рассчитанных на контингент отдыхающих со средними доходами (рис. 1 и 2).

Для оценки территориальной неравномерности в размещении гостиничной сети по территории полуострова использовались показатели удельного веса рекреационных районов Крыма в емкости и номерном фонде гостиниц. Из таблицы 1 видно, что абсолютные и удельные показатели коечного фонда гостиничных предприятий максимальны в Южном рекреационном районе (36,7% емкости гостиничного хозяйства Крыма), минимальны в Северо-Западном районе (1,1%), что в целом отражает общую картину ослабления как хозяйственной освоенности, так и рекреационной специализации в направлении с юга на